

A stylized illustration in a sketchy, textured style. On the left, a window with a grid pattern is visible. Below it, a small table holds a dark, rounded object, possibly a hat or a bag. A long, striped rug with alternating dark and light horizontal bands covers the floor, extending from the foreground towards the background. The overall color palette is muted, featuring greens, browns, and greys.

Виталий
Степанов

АЛТАЙСКИЕ
ТЕТРАДИ

Записки
учителя

Виталий Степанов

АЛТАЙСКИЕ
ТЕТРАДИ

Записки учителя

МОСКВА
СОВЕТСКИЙ ПИСАТЕЛЬ
1987

СОДЕРЖАНИЕ

В МОЛОДЫЕ ГОДЫ	3
ХОМЯЧИЙ ЛОГ	58
НИЖНЕ-ОЗЕРНОЕ	161
РАЗДЕЛ	245
НЫНЕШНИЕ ВРЕМЕНА	318

Виталий Андреевич Степанов

АЛТАЙСКИЕ ТЕТРАДИ

М «Советский писатель», 1987 448 стр
План выпуска 1986 г № 148

Художник *В В Красновский*

Редактор *А И Стреляный* Худож редактор *Е Ф Капустин*
Техн редактор *Н Н Талько* Корректор *О В Селиванова*

ИБ № 5374

Сдано в набор 04.04.86 Подписано к печати 04.12.86 А 12763 Формат 60×90¹/₁₆ Бумага тип. № 1
Обыкновенная гарнитура. Оффсетная печать. Усл. печ. л. 28,00 Уч.-изд. л. 33,06 Тираж 100 000
(1-й изд. 1—50 000 экз.) Заказ № 212 Цена 1 р. 20 к. Ордена Дружбы народов издательство «Советский писатель» 121069, Москва ул. Воровского 11 Тульская типография Союзполиграфпрома при Государственном комитете СССР по делам издательства, полиграфии и книжной торговли, 300600, г. Т. проспект Ленина, 109

Степанов В. А.

С 79 Алтайские тетради: *Записки учителя.*— М.: Советский писатель, 1987.— 448 с.

Книга представляет собою художественно-публицистический дневник писателя Виталия Степанова, который много лет следит за жизнью одного района на Алтае.

4702010200—473

С 083(02)—87 148—86

ББК 84

МОЛОДЫЕ ГОДЫ

Судьба моя решилась в минуту. Все, что было со мной в последние ридцать лет, предопределилось в тот момент, когда я согласился по кончании университета занять вакантное место учителя русского зыка в старинном сибирском селе Усть-Чарышская Пристань. До его от Барнаула полтораста километров. Стоит село на Оби, недалеко от впадающего в нее Чарыша.

Допотопный колесный пароход, на котором я добирался к месту воего назначения, тащился до Пристани почти сутки. Лето кончась, были видны большие поспевающие хлебные поля, за каждым оворотом открывались густо-зеленые острова, голубые протоки. первые я попал в Сибирь, и торжественно-приподнятое чувство тесило грудь. Но когда пошли редкие деревеньки, лепившиеся на высоком берегу реки, настроение упало. Среди черных от времени рублевых домов, сбегавших в беспорядке к воде, новых не было видно. [очью плыли час и другой, и не светились по берегу огоньки. Я смотрел в крошечную тьму, и сторона, куда я направлялся, представилась не такой глухоманью, откуда возврата нет.

Я старался проникнуться расположением к сидевшим вокруг меня людям — в стеганках, платках и негнувшихся плащах, обставленных корзинами и мешками, к тем, кого мы, горожане, привыкли обобщенно называть колхозниками, — и не мог, хотя они и были, эти люди, тот самый народ, служить которому я собирался. Мне хотелось заговорить с кем-нибудь и расспросить про здешнюю жизнь, но никто не поинтересовался, кто я и куда еду. До того я не очень тревожился, что мой выбор может оказаться неудачным. Я был молод, и в глубине души таилась бесшабашная уверенность, что впереди такая долгая жизнь, еще успею начать все заново. А тут вдруг перехватила горло детская горькая обида неизвестно на кого, скорее всего на друзей, оставшихся в Ленинграде, хотя в чем они были виноваты предо мной? Так одиноко мне стало на этом битком набитом народом старом корыте, которое еле ползло вперед. В отчаянии подумал я, что поступил безрассудно, согласившись стать деревенским учителем. Но изменить ничего уже было нельзя. В предрассветной мгле показалась неведомая мне Усть-Чарышская Пристань с темной громадой мельницы на высоком обрывистом берегу.

Районное село оказалось большое и не такое убогое, как я боялся. Расположилось оно в просторном широком логу между двумя крутобкими гривами. С их вершин далеко видна неоглядная в этом месте Обь с темной кромкой леса на едва различимом другом берегу.

Дома все деревянные, включая двухэтажную школу. Выделялись несколько старинных особняков, сплошь украшенных деревянной резьбой. В одном из них под сенью огромных старых тополей помещался райком партии.

Устроился я жить на хлебах в дом к бывшему председателю здешнего райцентровского колхоза. Мне отдали светлую, на четыре окна, горницу. Из окон, обращенных на запад, были видны большие тополя в центре села. Когда листья облетели, обнажились могучие стволы и ветви, устремленные в небо. Чудилась мне в их величественной замкнутости некая тайна. Они были свидетелями отшумевшей под ними жизни, о которой я не имел никакого представления.

В осенние дождливые дни, когда тучи низко висели и деревянные дома совсем почернели, мне вспомнилась глухая деревушка под Лугой, куда мы ездили с приятелем-студентом на охоту в самом начале пятидесятых годов. Там учительствовал в начальной школе его отец. Школа располагалась в нескольких избах, ребятишки перебежали из одной в другую под дождем в накинутах на голову стеганках и сапогах не по размеру, которые болтались на ногах. Эта картина для меня вбирала страшно много: всю послевоенную деревенскую Россию. Тогда в душе я чувствовал неизбежность надвигающегося решения ехать работать в село. Это — как судьба, от которой никуда не денешься. Так я думал вечером, когда смотрел, как старый учитель играл в подкидного со своей квартирной хозяйкой, а посреди стола горела керосиновая лампа с пузатым стеклом.

И все сбылось.

Из учительской, со второго этажа, хорошо была видна та часть села, которая полого сбегала к берегу Оби: темные дома, над ними дымы, на огородах, вскопанных под зиму, черная рябь припорошенной снегом земли. Подолгу не отрываясь я смотрел в окно.

Нечто знакомое по той деревеньке, где учительствовал отец моего университетского приятеля, было в пристанском пейзаже. Знакомое и по бесчисленным картинам русских художников, изображавших деревню, — с ее серыми домами, пеленою дождя, раскисшими дорогами. С ее убогостью.

И тут не было видно ни одного нового дома. Скромные стожки сена во дворах — и это при здешних необъятных пойменных лугах! Но попробуй накоси там, а самое главное — свежи сюда это сено!

Жадалась перемен эта сторона, но как приступить к ним, с чего начинать?

По вечерам, надев черный парадный китель и наглухо застегнув стоячий воротник, отставной председатель, мой хозяин, Степан Сергеевич Красовских, негромко стучался ко мне. Ему хотелось общения. Он садился на табуретку у печного горячего зеркала, чтобы греть не дающую покоя поясницу, и приступал к рассказам о былом. Это была моя сельскохозяйственная академия. Об одном сожалею и по сию пору. Больше мог бы узнать от старожил Степана Сергеевича, если б не высокомерие, в котором и сам себе ни за что бы не признался. Я был преисполнен предчувствием близких перемен, что откроют совсем новую страницу в жизни этой стороны. И начались уж эти перемены. Куда-то за Коробейниково, старинное село с таким звучным названием, шли колонны тракторов, тащили вагончики. Там распахали тысячи гектаров целинной степи и заложили новый совхоз с поселком, какого тут еще никто не видел. И казалось: все, что до нас, до меня тут было, — это лишь предыстория.

После уроков каждый день я отправлялся со своими учениками в колхоз. Была осень 1954 года. Урожай был хороший, убирали хлеб напрямую, зерно от комбайнов поступало влажным, и мы помогали сушить его, рассыпая тонким слоем по утрамбованной земле, а потом время от времени лопатили, стараясь подбрасывать повыше.

Бригада — километрах в пяти от Усть-Пристани, в степи. Впервые в жизни я увидел такие просторы. Поля раскинулись вокруг на необозримом пространстве. Они обнажались и на глазах меняли окраску. Я спрашивал у ребят и узнал, что светло-желтые — поля пшеницы, зеленые — кукурузные поля, а розовые — гречишные. Черные — свежеспаханные яблечные поля. Но о том, чем отличается зябь от пара, мне никто не мог сказать. Я был этим немало озадачен: ведь передо мной сидели крестьянские дети. С каким ненасытным вниманием слушали они рассказы о Ленинграде, о музеях и театрах, об университете, где я учился. Меня окружали плотным кольцом и боялись пропустить хоть слово. Но когда я начинал говорить, как интересно трудиться на земле, о великом таинстве, совершающемся в ее лоне, таинстве пробуждения жизни в зерне, я чувствовал, как скучнели ребята и слушали меня уже с вежливым вниманием, не

поднимая глаз, будто я городил несусветную чешуху. За этой отчужденностью скрывалось то, что никакой поэзии в земледельческом труде, в котором им сызмальства приходилось принимать участие, они не видели. Да и в самом деле, что ж может быть привлекательного в такой работе, например, какую нам без конца приходилось исполнять в ту осень: ходить взад и вперед по току и ворошить зерно деревянной лопатой?

И еще из тех времен помнятся молчаливые женщины, закутанные до глаз в платки. Они сортировали зерно на зерноочистительной машине. Тусклая лампочка чуть освещала их фигуры в черном проеме распахнутых настежь дверей большого амбара. Пока наполнялся мешок, они стояли и неподвижно глядели в нашу сторону. Казалось, они смотрят на ребят с сожалением.

Было, правда, несколько незабываемых дней. Надо было скорее укрыть от надвигающегося дождя высушенный на току хлеб. Девочки споро, не разгибаясь, насыпали плицами зерно, ловко помогали парням взваливать мешки на плечи, и те, ловкие и сильные, бегом несли их в длинные бревенчатые амбары, легко избегаая по крутым сходам. Высыпав зерно, мчались назад, торопясь поскорее убрать хлеб. Черная туча разрасталась, скоро закрыла полнеба, поднялся ветер, все с тревогой посматривали на запад — дождевую сторону. И как радовались потом, что успели управиться до того, как разразился ливень. Укрывшись от дождя в большой соломенной риге, с изумлением говорили о том, как много удалось сделать. При других обстоятельствах этой работы хватило бы на день.

Как значителен и как долго помнится труд, объединяющий всех общей целью! Но все время таскать мешки с зерном или лопатить хлеб на току — на это ребята не были согласны и никакой поэзии в этой работе разглядеть не могли при всем ко мне уважении.

Это были мои первенцы, и я очень привязался к ребятам. Не знаю, кто кому больше дал: я им или они мне.

После Нового года, на зимних каникулах, я отправился в Барнаул встречать жену. Она была еще студентка и собралась посмотреть, что за дыра эта самая Усть-Чарышская Пристань. Было и попутное поручение — купить в Барнауле для школы радиоприемник с проигрывателем. Тогда это была здесь большая редкость. Со мной отправился Толя Борисов, парнишка из дальней деревни. По субботам после уроков он шел домой за тридцать с лишним километров. Первую часть дороги он коротал с попутчицей, девчонкой-одноклассницей. В ее деревушке отдыхал, а дальше шагал один.

На обратном пути застал нас в Алейске буран. Машины не ходили, потому что дорогу замело, но попался человек из Пристани на лошадах. Мы сели к нему.

Дорога показалась нескончаемо длинной. Санного следа не было, и мы ехали наугад. Пьяный наш возница вскоре уснул, положась на лошадей. Ветер несколько поутих после полуночи, но все равно колющее месиво несло, обгоняя нас, а мороз становился сильнее.

Не задерживаясь проехали небольшую деревеньку с темными, без единого огонька домами, занесенными снегом по самые крыши. Казалось, люди давно покинули их, и это леденило душу.

В просветы между облаками проглядывала луна, и курящаяся степь была пустынной и враждебной. Лошади заметно притомились. Толик, давно взявший вожжи, спрыгнул с саней и широко шагал рядом в длинном, наполовину расстегнутом тулупе. Лицо его было хмуро и сосредоточенно. Превозмогая себя, чтоб не упасть в глазах жены и мальчишки, я вывалился из саней и тоже шел рядом, проваливаясь в снег.

Пренебрегая педагогической этикой, я закуривал с Толиком от одной спички. Он защищал огонек высоким воротником. Огонь освещал на короткое мгновение его строгое лицо. Брови, ресницы и темные, только начавшие пробиваться усики заинтересовали, а в глазах возникала и гасла быстрая улыбка. Он старался подбодрить меня.

К утру лошади уже еле тащились, и у нас силы были на исходе. Дорога казалась бесконечной. Первые домишки на окраине Пристани показались, когда засинело в степи. Мы отмахали за ночь тогда шестьдесят километров.

После выпускного вечера, продолжавшегося до утра, товарищи по классу пошли провожать Анатолия на пароход, он уезжал первым. Через несколько дней разъехались и остальные мои первенцы. Пристань опустела без них и стала чужой. Я чувствовал себя так, будто произошло непоправимое. Да оно так и было: сколько надежд я связывал с этими прекрасными молодыми людьми, если не им, то кому ж браться за преобразование родной их стороны?

Прошло два года. Трудно сказать, кто первым подал идею поехать всем классом в целинный Краснодарский совхоз. Но мысль была подана и захватила всех. Игорь Беликов, спокойный плечистый парень, староста класса, в котором я был классным руководителем, немедленно приступил к ее осуществлению.

— На целину едешь? — ошеломлял он каждого входящего.

Класс раскололся на безусловно едущих, колеблющихся и откровенно не едущих. Из девочек ехали: аккуратная, исполнительная Саня Легостаева и ее подруга, маленькая Таюшка Чудова; если ехал Игорь, ехала и Валя Унжакова.

Безоговорочно согласились ехать Витя Новичихин, который никогда не упускал случая помериться силой с самим Игорем, застенчивый и флегматичный Володя Иванников, по прозвищу «Нашел — молчит, потерял — молчит», а также наш острослов — белокурый красавец Толик Мацнев.

Когда очередь дошла до Юльки Четвертакова, о котором все знали, что он мечтает стать моряком и уже второй год сочиняет морскую поэму, Юлька насмешливо бросил:

— Рожденный плавать пахать не может!

Женя Рябов, отличник, высокий худой мальчишка с гладкими светлыми волосами, на вопрос Игоря отрицательно покачал головой.

Этому особенно никто не удивился. Чего ему ехать в совхоз, когда он и без всякой «отработки» в этом году может попасть в институт!

Игорь не подал виду, но сузившиеся его глаза говорили, что поведение Рябова ему не нравится. Никто ожесточеннее Женьки не спорил о делах в деревне и беспорядках в колхозе, где мы работали каждую осень, и никто не умел лучше Женьки писать о будущем в сочинениях.

События в последующие дни развивались не менее стремительно. Хотя отказавшиеся ехать на целину пытались делать вид, будто их не интересует и не трогает вся эта затея, но если говорить начистоту, они просто лицемерили. Что-то удивительно притягательное было во всем этом деле, но даже Игорь, по всей вероятности, не сумел бы толково и точно объяснить, чем же так сильно захватила всех эта идея. Трудно, очень трудно было объяснить это. Конечно, никто и не думал отказаться от мысли об институте. Но если сказать, что все едут для того, чтобы заработать себе производственный стаж, необходимый в нынешние времена для поступления в институт, то это было бы все-таки очень далеко от правды. Нет, что бы там ни говорил Женька Рябов об отмирании в наш трезвый атомно-математический век старомодной романтики, она никуда не делась.

Директор Краснодарского совхоза, узнав о намерении ребят, пообещал в ближайшее время организовать для них экскурсию на целину: пусть сами заранее посмотрят, где будут жить и работать.

Самодеятельность усилила подготовку сцен из «Клопа» и «Бани» Маяковского. Весь сбор от предстоящего спектакля должен был пойти на приобретение вещей первой необходимости для новоселов.

В пьесах участвовали почти все едущие, если не считать Щукина и Рябова. Щукин играл в «Клопе» Присыпкина, Рябов — изобретателя Чудакова в «Бане». Игорь Беликов, излучающий силу и уверенность, был замечательным Слесарем.

С тех пор как Николай Щукин категорически отказался ехать, сцена изгнания Присыпкина из рабочего общежития стала идти гораздо энергичнее. Игорь — Слесарь с таким искренним чувством хватал Щукина — Присыпкина за шиворот и норовил помочь себе коленкой, что его партнер стал убегать со сцены несколько раньше, чем это было предусмотрено Маяковским. Николай жаловался мне, а Игорь, усмехаясь, оправдывался:

— Я ж из него хочу человека сделать!

Хорошо получался у Рябова Чудаков. Видимо, Женьке нравились глубокое бескорыстие и устремленность в будущее его героя. Надо сказать, что я всегда удивлялся, как Женя находит время участвовать в самодеятельности. Почти все домашнее хозяйство лежало на нем. Два раза в неделю он бегал на другой конец села в МТС на курсы токарей, в школе занимался в кружке трактористов и еще ходил в спортивную секцию.

Хорошее это было время! В школе давно никого нет, и нам никто не мешает. Окна затянuty инеем. Слышно, как все двухэтажное бревенчатое здание поскрипывает под напором ветра. А у нас в заставленном книжными шкафами кабинете уютно и тепло. Звучат слова о жизни

и будущем, гневно клеймятся стяжательство и мещанство. И сколько радости для всех, когда сцена по-настоящему удастся!

Репетиция окончена, а расходиться не хочется. Садимся потеснее и говорим о том, о чем не удастся потолковать на уроках. Но о чем бы ни шла речь, все равно мысли наши обращаются к целинному совхозу. Как все там будет?

19 марта 1957 года после уроков выехали на экскурсию в совхоз. За нами приехал сам директор — Владимир Макарович Савчинский, очень грузный и необыкновенно подвижный украинец. Желающих побывать в целинном совхозе набралось много, едва уместились на двух грузовых машинах. Я поехал в газике директора.

Дорога по Оби кончалась, кое-где на льду уже выступила вода. Трясло неимоверно. После особенно примечательного ухаба Савчинский крутил головой и приговаривал, улыбаясь:

— Была бы шея тоньше — голова б отлетела!

Ехать с ним весело и интересно. Он без умолку говорил о совхозе, приводил на память целые таблицы цифр. Он знал, сколько намолотили лучшие совхозные комбайнеры в прошлом, 1956 году, какова урожайность и себестоимость хлеба по отделениям, сколько сдано хлеба по годам и какова прибыль за первые два года жизни совхоза. Чтобы поддержать разговор и не выглядеть человеком совершенно оторванным от хозяйственных дел в районе, я высказал предположение, что совхоз, по всей вероятности, теперь дает столько хлеба, сколько до целины давал весь наш Усть-Пристанский район.

Савчинский заразительно рассмеялся.

— Как вы считали? Наверное, по Киселеву! А я все по Малинину — Буренину. Смотрите: за два года, 1952-й и 1953-й, наш район сдал около восьмисот пятидесяти тысяч пудов. А мы в прошлом году сдали миллион семьсот тысяч. Выходит, что мы в прошлом году сдали хлеба в четыре — вы слышите? — в четыре раза больше, чем весь район в 1952 и 1953 году. Вот вам и столько же!

Последняя часть дороги — от большого села Коробейникова до совхоза — была особенно трудной. Машины то и дело останавливались, буксуя в глубоких наносах. Директор начинал волноваться, что школьники могут простудиться, тяжело выгружался из газика, семенил, проваливаясь в глубокий снег, к увязшим впереди машинам и начинал командовать:

— А ну, взяли! Навалимся! Кто не смелый — тому места не достанется!

Ребята прыгали из кузова в снег, начинали раскачивать машину.

— А ну, веселей, еще раз взяли! У-па! — кричал директор, застиснутый в толпе хохочущих мальчишек.

Еще усилие, надрывный рев мотора, и машина выбирается из сугроба. Ребята бегут за ней. На ходу одному натерли снегом лицо, другому была подставлена подножка, и он хорошо проехался на животе, и через секунду на этом месте образуется самая настоящая куча мала. Наконец все снова усаживаются по местам. Владимир Макарович тя-

жело дышит. Лицо его становится замкнутым, и он молчит, пока не трогаются последние машины. Мне кажется, он думает: «Ничего себе будующие кадры! Что с ними делать?..»

Незнакомая дорога казалась очень длинной. Кругом белая скучная и чужая степь. За каждым подъемом ждешь, что откроется поселок, но машины въезжают на гриву, а впереди все та же бескрайняя белая степь.

Наконец директор подался вперед и живо сказал:

— Приехали!

Машины стали быстро спускаться в широкую ложину, в глубине которой пестрел поселок. Ребята привстали, держась друг за друга. Меньше чем за полминуты проскочили весь совхоз, состоящий из трех улиц — одной продольной и двух поперечных. Одинаковые веселые домики, облицованные серой и красной шиферной плиткой. Нигде ни кустика, из-за домов везде проглядывает степь.

Директор пригласил нас к себе в контору. В его кабинете все не поместились, половина осталась в приемной. В кабинете ребята стояли и были очень серьезны. Рябов, которому мы поручили высказать наши планы, побледнел и несколько запинаясь.

— Нас интересуют две группы вопросов, — начал он. — Первое — организация нашего труда, второе — организация нашего быта...

Там, в школе, в нашем уютном литературном кабинете об этом говорить было просто: к весне ребята получают вместе с аттестатами зрелости свидетельство трактористов; летом в совхозе, до уборочной, они участвуют в ремонте техники и пройдут необходимую практику, которой сейчас не может обеспечить школа; в уборку они будут работать трактористами; на будущий год, если администрация пойдет навстречу, хорошо было бы создать отдельную молодежную бригаду; жить обязательно всем вместе, коммуной, весной посадить для себя огород. Прежде все это казалось выполнимым и умным. Здесь же совсем другое дело. Директор слушал внимательно, наклонив голову набок, но нет-нет глаза его весело прищурятся:

— Ну, это вы, хлопцы, уже загибаете!

Однако спорить он не стал, только заметил, что сделать все можно, было бы с кем делать. Показывать совхоз повел сам.

— Вы не бойтесь, мы не передумаем! — предупредил его в дверях Рябов. — Это решенное дело.

— Я и не сомневаюсь! — Савчинский похлопал Женьку по худущей спине. Умные глаза сузились в доброй усмешке: «Много ли можно взвалить на такую спину?»

Увязая в сугробах, мы потянулись вслед за директором к приземистым длинным зернохранилищам. Ходил он удивительно быстро, все едва поспевали за ним. На ходу он пояснял, что таких каменных складов еще ни у кого нет. Вошли в первый склад. На двух машинах закутанные до глаз женщины чистили пшеницу. Было сумрачно и пыльно. Высоко на перекрытиях с шумом перепархивали жирные голуби. Их было очень много, и единственное, о чем спросили здесь директора, — что с ними делают.

Другие хранилища были точно такие же, добротные и большие, но

Владимир Макарович завел и туда. За складами стояли тракторы и комбайны, занесенные снегом. Их смотреть не стали, кто же не видел трактора или комбайна! И здесь обнаружилось, что, собственно, и смотреть-то больше нечего. Мастерской еще нет, стоят пока одни стены без крыши, а в саманные землянки, в которых она сейчас размещалась, директор не повел.

По поселку прошли очень быстро. Заглянули в большой дом, где, по словам директора, должен быть клуб. Желающие забежали и в магазин, посмотрели место на пустыре, отведенное под школу и больницу.

Все это, в общем, было похоже на фотографии целинных совхозов, которые мы видели в газетах, но чего-то все равно не хватало и что-то не сходилось с нашими представлениями о целине: обычная деревенская жизнь глядела на нас со всех сторон.

Кончался рабочий день. В домах зажигались огни. Шли рабочие. Куда-то повезли сено. Возле машины с цистерной толпились женщины: брали воду. Втайне все мы надеялись, что директор самое существенное, целинное приберегает к концу. Но Владимир Макарович, заметно уставший, привел нас к конторе и сказал.

— Ну вот, все обошли. Если вопросов нет, надо ехать.

Он провожал нас до самой Усть-Пристани, желая убедиться, что все вернутся целыми и невредимыми.

Позади нас все слабее и слабее долго мерцала горсточка огней в степи. Как бы там ни было, а теперь это и наш совхоз!

Наступил день нашей премьеры. Желающих попасть на спектакль было так много, что несколько зрителей сидели даже на подвешенном к потолку турнике. За кулисами было естественное для этого случая волнение. В последнюю минуту выяснилось, что исчезла невеста Присыпкина. Оказывается, она забыла в интернате приготовленную для сцены свадьбы жареную картошку. Но обошлось для нее это благополучно: нельзя же расстраивать актрису перед самым выходом на сцену!

Все шло хорошо. Чуть не до слез смеялись, когда Маднев учил Присыпкина «изячно» танцевать. Толик был взвинчен, но этого никто не заметил. Дело в том, что для него специально приготовили суженные книзу брюки, но девочки перестарались, и он никак не мог их надеть. С помощью Игоря он сумел просунуть до половины одну ногу. Красный от злости, он клял незадачливых портных и просил шепотом: «Да держите же вы занавес!» А Игорь, давясь от хохота, распарывал ножницами швы.

«Баня» прошла благополучнее, и впечатление от нее осталось особенно сильным. Правда, в первой сцене «машина времени» не взорвалась, хотя до того Женька Рябов, соорудивший ее, хвастался, что она работает совершенно безотказно. Вместе со словами из пьесы Рябов в сердцах громко воскликнул: «Вот черт!» Но зрители подумали, что так и надо.

На следующий день Игорь торжественно принес на сохранение в

учительскую швейную машину, ванну, умывальник, кастрюли и большой половник. Все это предполагалось вручить новоселам на выпускном вечере.

В совхоз уезжали вечером пятого июля. Провожать нас пришли секретарь райкома комсомола и родители. Я хотел было сказать напутственное слово, но в последний момент, когда присели перед дорогой в своем классе, охватила тревога. Что выйдет из всего этого? Мы еще только собирались ехать, а уже были потери. Не явился Юлька Четвертаков. Накануне выпускного вечера он взял аттестат и уехал в Барнаул.

Машины нас ждали возле школы. Будущие трактористы и комбайнеры, забыв о важности момента, с шумом, наперегонки бегут занимать места. На одну машину грузим имущество, в другой рассаживаемся сами. Подняли на смех Толика Мацнева, который еле-еле перевалил через борт свой огромный деревянный чемодан. Стали допытываться, что в нем. Толик невозмутимо отвечал:

— Мать продовольствия натолкала! Все равно, говорит, ни черта не заработаешь, так хоть неделю чтоб продержался.

Девочки носятся со швейной машиной, не зная, куда ее поставить, считают подаренную посуду. Им кажется, что чего-то не хватает. Но это Мацнев воспользовался суматохой и прячет в солому то ведро, то кастрюлю и сам же помогает искать. Матери с влажными глазами дают последние наставления.

Наконец все уселись, и машины с места набирают скорость. Несколько секунд видна старенькая школьная уборщица тетя Шура. Она стоит у ворот нашей бревенчатой школы и машет снятым с головы белым платком. Потом все скрывается за облаком пыли.

Другим пришлось ехать на целину почти через всю страну. У нас путь короче. До совхоза всего сорок километров. И тех, кто ехал сюда два года тому назад, ожидали необжитая голая степь, костры и палатки. А мы едем, можно сказать, на готовое. Самое сложное, самое трудное целина, кажется, уже пережила. И тем не менее все полны торжественности.

Женька, свесившись через борт, уговаривает шофера «поднажать», и тот старается. Машины стремительно несутся вперед, ветер бьет в лицо, а Женька, взглянув на меня, оправдывается, улыбаясь до ушей:

— А какой же русский не любит быстрой езды!

Было воскресенье, и совхоз казался безлюдным и притихшим. Только где-то негромко играла гармошка да стрижи, будто они реактивные, молниеносно проносились над землей. Неяркое солнце освещало зеленые всхолмленные поля вокруг поселка, и все дышало спокойствием обычного деревенского вечера.

Нас никто не встречал. Мы сгрузились возле конторы. На ней висел замок.

Пока совещались, что делать, появился директор. Он здоровался со всеми за руку, шутил.

— Мы уже неделю вас ожидаем,— рассказывал он по дороге к вагончикам, в которых мы должны жить.

В них было очень грязно, и Владимир Макарович смешно разразился угрозами в чей-то адрес, кто должен был привести вагончики в порядок.

— Ничего! — успокоил его Игорь. — У нас руки не отсохнут. Девчонки вымоют.

Сразу взялись за дело. Ребята натаскали воды из Озернухи, маленькой речушки метрах в ста от поселка. Девочки разделились на две группы и основательно, не жалея воды, мыли стены, полки и полы. Игорь с Витей Новичихиным получали на складе постели.

Укладывались при свете карманных фонариков. На новом месте долго не спалось. Из вагончика, где устроились девочки, то и дело доносились взрывы смеха.

Ребята тоже не спали. Говорили о Юльке Четвертакове, о рабкооповской столовой, в которой щи стоят рубль семьдесят, а гуляш — два сорок. Игорь наконец сказал:

— Ну, кончайте, братва! — А через минуту сам же начал: — Вы заметили, как здесь все обжито? Дома, сараюшки...

— Свиньи бегают,— вставил Женька.

— Наверное, забыли уже, где первый кол вбивали,— продолжал Игорь. — Приехать бы сюда два года назад, было бы интереснее.

Я тоже не спал и слушал, о чем говорят ребята. Обыкновенная история! Вот и им, входящим в жизнь, кажется, что они опоздали родиться и что самое трудное люди уже успели сделать без них.

Утром после завтрака состоялось первое организационное собрание. На нем утвердили правила нашего внутреннего распорядка. Тут были следующие пункты. Подъем в семь часов утра, отбой в половине двенадцатого. На день остаются двое дежурных, в обязанности которых входит уборка вагончиков и приготовление пищи. Всякие самовольные поездки из совхоза категорически запрещаются. Игорь единогласно был утвержден старостой.

Саня Легостаева внесла дополнение, запрещающее употребление нелитературных выражений. По этому поводу долго спорили. Игорь предложил даже штрафовать виновных на один рубль, а деньги вносить в общий фонд укрепления. Но мальчишки повели себя тут как-то уклончиво и его не поддержали. Решили по этому вопросу ограничиться простой договоренностью.

К восьми часам пошли в контору. По поселку уже засновали машины. Где-то гулко тюкали по железу. В контору торопливо входили озабоченные люди. В этой чужой еще и непонятной для нас сутолоке начинающегося рабочего дня мы чувствовали себя неловко.

Процедура оформления на работу оказалась до обидного простой. Директор переписал себе в блокнот все фамилии, пометил птичками тех, кто имел свидетельства трактористов, и сказал, что работать придется на двух отделениях — третьем и четвертом. Четвертое отделение — здесь, на центральной усадьбе. Третье — в километре от посел-

ка, за гривой, напротив наших вагончиков. Мальчишек больше всего интересовал вопрос, как все-таки быть с правами трактористов. Рябов, попавший на третье отделение, спросил об этом управляющую Евдокию Ивановну Быкову — полную, источающую энергию женщину. Но она, только что приветливо улыбавшаяся в кабинете директора, ответила Женке с неизвестно откуда взявшейся властью:

— Сейчас, милый, некогда права смотреть. Сейчас получайте тяпки — и айда на свеклу. Там я и посмотрю, кто на что годен.

На свеклу так на свеклу. После обеда с тяпками отправились в поле. Свекла рядом, у въезда в поселок. Справа — двадцать гектаров четвертого отделения, слева — двадцать гектаров третьего. Так что все работали рядом и встречались на меже у бочки с водой.

С каждым днем все становилось на свои места. Бытовые неполадки отнимали много времени, но и это постепенно налаживалось. Если бы заранее знать, что к заместителю директора по хозяйству обращаться по хозяйственным вопросам бесполезно, дела бы шли лучше. Но по неопытности мы вначале тратили слишком много времени на поиски завхоза и простодушно верили его щедрым обещаниям. Однако нам подтянули еще один вагончик, и в нем была открыта наша собственная кухня. Дневальные на двух керогазах и примусе готовили завтраки, обеды и ужины.

Игорь с вечера давал подробные инструкции дежурным, но обязательно что-нибудь забывал. Почти каждое утро, как только начиналась вояка в кухне, его поднимали.

Часов в пять, когда спится особенно крепко, вдруг с отвратительным скрипом открывается дверь и раздается испуганный шепот Вити Новичихина:

— Игорь!

— Чего тебе? — недовольно отзывается Игорь.

— Примус не горит.

— Иголкой горелку прочисть.

— А где иголки?

— А я откуда знаю? Спроси у Мацнева, он вчера дежурил.

Анатолий со сна долго не понимает, чего от него хотят, потом сердито чертыхается и объясняет, что примусных иголок как таковых нет ни в кооперации, ни у нас. Вчера же делал самодельную, а куда ее сунул — не помнит.

Витя удаляется, но ненадолго. Теперь он приоткрывает окно напротив той полки, на которой спит Игорь, и зовет его извиняющимся шепотом:

— Игорек!

— Ну что еще?! — уже рывкает Игорь, едва успевший задремать.

— А что варить? Картошки на всех не хватит.

— К черту кухню! — ругается Игорь. — Мне что, больше всех надо, что ли? Пусть в ресторане позавтракают хоть раз!

Но это только слова. Он хорошо знает, что на ресторане (так окрестили дорогую рабкооповскую столовую) мы далеко не уедем, и смятается:

— Макароны есть?
— Макароны есть! — с готовностью отвечает Виктор.
— Вари макароны.
— Ладь! — Удовлетворенная физиономия Виктора исчезает за окном.

Завтракаем сидя на траве. Улыбающийся Виктор из окошка кухонного вагончика большим половником наливает всем порцию чего-то похожего на суп. Девочки подозрительно пробуют варево. Игорь подставляет свою миску, командует:

— Лей два половника! — Отведав, он спрашивает недовольно: — Это что — суп?

— Это макароны! — несколько обиженно объясняет Виктор.

— А чего ж ты тогда воду не слил, голова?! — укоряет Игорь, сжегивая на траву воду с макарон, превратившихся в лапшу.

— Тогда бы всем не хватило! — оправдывается незадачливый повар.

Все хохочут над ним, особенно девочки.

В связи с такими недоразумениями пришлось несколько изменить порядок. Мальчишек освободили от выполнения поварских обязанностей. Готовить стали только девочки, более практичные во всех этих вопросах. Дело пошло несколько лучше, но и тут не обошлось без конфузов.

Таюшка Чудова, боясь опоздать с завтраком, затеяла с вечера варить пшеничную кашу. Она поставила на примус бак с водой, засыпала крупу, а сама улеглась на полке с книгой. В двенадцатом часу вернувшиеся из кино ребята зашли на кухню в надежде чего-нибудь перехватить. В вагончике хлопьями летала сажка, из бака валил густой едкий дым, а примус горел, вернее — коптил одним боком. Таюшка спала, свернувшись калачиком и заложив пальцем книгу на той странице, где оборвалось чтение.

У Вали Унжаковой была осенняя переэкзаменовка по алгебре. После ужина, когда заканчивалось мытье посуды, Игорь занимался с Валентиной на кухне. Он был изумительно терпеливым педагогом. Объяснять ему приходилось не только алгебраические формулы. Валя нет-нет да и закапризничает:

— Не поеду я сдавать алгебру! Все равно опять провалю.

— Ты что, с ума сошла? — строго спрашивает Игорь. — Без аттестата хочешь остаться?

— Проживу и без аттестата. У тебя спрашивали его, когда на свеклу посылали? — Потом, отвернувшись, добавила: — И ты мне не свекор, чтобы таким тоном со мной разговаривать!

Игорь смягчался и — в который раз! — начинал терпеливо втолковывать ей правильные понятия о жизни. Иногда это приводило к тому, что наш староста в темноте после отбоя виновато пробирался к своей полке, раздевался, стараясь никого не разбудить, и нырял под одеяло.

Однажды в поле во время перерыва я пристыдил Шукина, который ни разу еще не взял в руки книжку, хотя у него также был осенний

экзамен. Николаю явно скучно было слушать мои нотации. Он лежал на спине, подложив руки под голову, и смотрел в небо.

— Унжакова занимается и, безусловно, пересдаст алгебру, — не унимался я.

Николай приподнял голову и весело сказал:

— Ничего она не занимается. Она голову Егору кружит. — Его-ром мальчишки звали Игоря.

Возникло неловкое молчание. Игорь безмятежно грыз травинку. Валя, сидевшая с девочками, сделала вид, будто ничего не слышала. Упавшим голосом, чтобы как-то сгладить неловкость, Николай добавил:

— Если бы со мной так занимались, я бы в университет попал...

Валя зарделась и неожиданно властным тоном сказала:

— Ну, хватит! — Она низко и плотно повязала голову платком, легко выпрямилась, отряхнула платье и с ожесточением стала рубить уже зацветающую сурепку.

Молча за ней поднялись и остальные. Эту тему больше никто не затрагивал, но наш староста перестал опаздывать к отбою.

Дни летели за днями, безмятежные дни нашей жизни на Зеленой улице. От них в памяти остался ясный и чистый след, какой оставляет в душе безоблачное торжествующее летнее утро.

Дни летели за днями, и все шло своим чередом: работа, маленькие смешные недоразумения на кухне, веселые вечера на поляне возле вагончиков, куда теперь собиралась вся совхозная молодежь.

Однажды в конце июля зашел директор и показал телеграмму из Турочака, что в Горном Алтае. В ней было сказано, что в совхоз выезжают всем классом на постоянную работу выпускники турочакской школы. Нашего полку прибывает!

— Где сесть их будем? — размышлял Владимир Макарович. — Если здесь же — не поругаетесь?

Теперь готовились к встрече с новенькими. К трем нашим вагончикам подтянули еще два, так что образовалась Зеленая улица.

А главные заботы, которыми жило хозяйство, еще обходили нас стороной: на сто двадцать комбайнов есть только двадцать семь комбайнеров; нет палаток, чтобы разместить по меньшей мере пятьсот человек, прибывающих на уборку; бурильщики вновь не обнаружили воды. «Стройгаз», наш подрядчик, по сути дела, законсервировал строительство механической мастерской, без которой совхоз буквально задыхается. И еще пропасть больших и малых забот.

Позвонил секретарь Усть-Пристанского райкома комсомола и попросил как-нибудь в воскресенье привезти всех ребят домой. Приходили уже несколько родителей с жалобой, что в совхозе их дети живут в очень тяжелых условиях. Мы терялись в догадках: кто мог наболтать такое? Зарботки сейчас были вполне приличные, питание удовлетворительное, причем никаких порций не соблюдалось, каждый ел столько, сколько хотел. Короче говоря, не было оснований для паники.

За прошедший месяц дома побывали несколько человек. Ездила